

Регионально ориентированные исследования филологического пространства: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Оренбург, 14 ноября 2008 г.). Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2008.

К ТИПОЛОГИИ ВОКАЛИЧЕСКИХ СИСТЕМ В АКАЮЩИХ ГОВОРАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Е. В. Шаульский
(Москва)

Региональный диалект — один из важнейших факторов регионального лингвистического своеобразия. В настоящей работе предпринята попытка определить основной механизм в структуре вокалических систем в говорах русского языка, характеризующихся аканьем — среднерусских и южнорусских. Основопологающим понятием этой структуры является *модель вокализма*.

Термин *модель вокализма* употребляется в диалектологической литературе наряду с терминами *тип вокализма* и *система вокализма*. Понятие модели вокализма представляется предпочтительным из тех соображений, что термин *модель* уже имеет в виду известную идеализацию и некоторую степень абстракции: как известно, в живых говорах никогда не наблюдается стопроцентного соответствия той или иной идеальной схеме, какой бы точной и детализированной эта схема ни была: «Лингвистич(еское) моделирование необходимо предполагает использование абстракции и идеализации.

Отобразив „релевантные“, существенные (с точки зрения исследования) свойства оригинала и отвлекаясь от несущественных, М(одель) выступает как нек(ото)рый абстрактный идеализиров(анный) объект» [2: 304].

Например, в акающем говоре, с обычной для него нейтрализацией гласных неверхнего подъёма в безударных слогах, может спорадически произноситься [o] на месте ⟨o⟩ (см., например, данные говора д. Бояновичи в [8]), однако это не должно препятствовать определению вокализма данного говора как акающего, так как нейтрализация является в говоре системным фактом, а произношение [o] в безударных слогах — нарушением системы.¹

Понятие модели вокализма было обосновано в работах Т. Ю. Строгановой: «⟨С⟩уществующие в реальной действительности диалектные системы вокализма никогда не представляют собой логически безупречных схем, а как всякий живой организм во много раз сложнее всякой схемы и не лишены противоречий, являющихся результатом длительного пути развития ⟨...⟩. Конструированные таким путём модели идеальны. В живой диалектной действительности, конечно, идеальных систем нет и не может быть ⟨...⟩. Любая „идеальная“ модель, воплощаясь в реальной системе, усложняется за счёт сосуществования или взаимодействия с другими системами, в результате чего возникают языковые тенденции, видоизменяющие модель, проявляющиеся в различного рода отклонениях от схемы» [12: 35—36].

Очевидно, согласно Т. Ю. Строгановой, отношения между моделью и системой суть отношения между более абстрактным и более конкретным, «идеальная» модель «воплощается» в реальной системе так же, как фонема воплощается в аллофонах и т. п. Возможно, такое терминологическое разграничение могло бы быть продуктивным, однако следует признать, что в научных работах по диалектологии оно не используется, и все три названных понятия (модель, система, тип) употребляются как полные синонимы.

Можно назвать три самых полных описания моделей безударного вокализма в акающих говорах, соответствующих трём основным этапам его изучения: это работы Н. Н. Дурново, Р. И. Аванесова и Т. Ю. Строгановой [3; 1; 11, 12]. Разумеется, за время, прошедшее после выхода последнего из этих описаний, были обнаружены новые модели вокализма. Так, З. П. Здобнова обнаружила в русских говорах на территории Башкирии ряд новых разновидностей диссимилятивно-умеренного яканья [4]; Р. Ф. Касаткина и Е. В. Щигель сделали предположение о наличии в акающих говорах после твёрдых согласных столь же разветвлённой «сети» моделей аканья, что и после мягких согласных [7; ср. также 10]²; И. И. Исаев обнаружил в говоре

¹ Необходимо отличать подобные явления от рассмотренных в [9] случаев сосуществования оканья с аканьем, названных там частичным оканьем и частичным аканьем: при частичном аканье/оканье как нейтрализация, так и её отсутствие являются фактами системы, поскольку там они распределены позиционно.

² Однако никаких конкретных данных о действительном наличии после твёрдых согласных тех же моделей, что и после мягких, так и не было приведено (кроме давно известных моделей жиздринского и архаического аканья-яканья). Единственная описанная в работе Р. Ф. Касаткиной и Е. В. Щигель система вокализма, названная ими ассимилятивно-

д. Уляхино Гусь-Хрустального р-на Владимирской области два ранее неизвестных типа диссимилятивного и ассимилятивно-диссимилятивного яканья [5: 14—15]. Тем не менее, более полного описания, чем выполненное Т. Ю. Строгановой, до сих пор не существует.³

Одним из неформальных признаков выделенности той или иной модели вокализма из всех прочих является наличие у неё собственного названия. Собственные названия (иные и по два, а то и три) имеют почти все описанные модели вокализма, за исключением некоторых разновидностей диссимилятивно-умеренного и умеренно-диссимилятивного яканья; кроме того, ни одна из существующих моделей ассимилятивного яканья (а их в [11: 63] названо шесть) не имеет отдельного наименования. Что же касается более формальных признаков отдельной модели вокализма, то естественно предположить (сохраняя аналогию «модель ~ фонема»), что каждая модель должна представлять собой совокупность некоторых дифференцирующих признаков, причём одной модели должно соответствовать уникальное сочетание значений этих признаков, а сам набор этих признаков должен быть единым для всех моделей. Попытка выделить соответствующий набор дифференцирующих признаков и охарактеризовать все известные модели акающего вокализма с использованием этого набора была предпринята в [15]; однако в этой работе остался неохарактеризованным основной механизм в структуре безударного вокализма русского диалектного языка. По нашему мнению, таким механизмом является рекурсия.

Под рекурсией в лингвистике (точнее, в синтаксисе) понимают способность языка порождать вложенные предложения и конструкции.⁴ Так, одним из составных элементов предложения может быть другое предложение, внутри него — ещё одно, и так (потенциально) до бесконечности:

Иван надел шляпу.

Пётр узнал, что Иван надел шляпу.

Сергей подумал, что Пётр узнал, что Иван надел шляпу.

...

Рекурсия считается одной из лингвистических универсалий; в последнее время высказывалось предположение, что рекурсия является обязательным свойством человеческого языка и отличает его от всех прочих коммуникативных систем в природе [16].

Итак, данный объект обладает свойством рекурсивности, если в его состав может входить объект того же класса (иерархического уровня), что и данный: предложение внутри предложения, именная группа внутри именной группы и т. д. Представляется, что модели вокализма в диалектах русского

диссимилятивным аканьем, не является фонологизированной (см. [8]) и поэтому не рассматривается в данной работе.

³ В более компактном и несколько уточнённом и дополненном виде это описание содержится в [6].

⁴ Ср. более формальное определение: «Способность некоторой фразовой категории включать в себя составляющие той же фразовой категории называется **рекурсивностью**» [13: 116].

языка могут обладать свойством рекурсивности или, по крайней мере, сходным с ним свойством.

Каждая модель вокализма характеризуется свойственным ей распределением звукотипов относительно некоторых позиций. Например:

- (1) модель сильного аканья характеризуется наличием звукотипа [a] во всех позициях⁵;
- (2) модель диссимилятивного аканья жиздринского типа характеризуется наличием звукотипа [a] перед всеми ударными гласными, кроме [á] и наличием звукотипа [ъ] перед ударным гласным [á];
- (3) модель умеренного яканья характеризуется наличием звукотипа [a] перед твёрдым согласным и звукотипа [и] перед мягким согласным.⁶

Во всех этих случаях каждой позиции соответствует какой-либо звукотип. Однако возможны и более сложные случаи, когда в какой-либо модели вокализма какой-либо позиции соответствует не один звукотип, а другая модель вокализма. Например:

- (4) модель полновского оканья характеризуется наличием звукотипа [a] перед ударными гласными верхнего подъёма [í ы́ ú], а перед прочими ударными гласными наличествует модель вокализма оканье;
- (5) модель ассимилятивно-диссимилятивного яканья кидусовского типа характеризуется наличием звукотипа [a] перед ударным гласным [á], а перед прочими ударными гласными наличествует другая модель вокализма — суджанское диссимилятивное яканье;
- (6) модель диссимилятивно-умеренного яканья верхне-днепровского типа характеризуется наличием звукотипа [и] перед мягким согласным, а перед твёрдым согласным наличествует другая модель вокализма — жиздринское диссимилятивное яканье.

Возможны и ещё более сложные случаи, когда в некоторой модели вокализма каждой позиции соответствует какая-либо другая модель вокализма. Такая ситуация имеет место в архаическом слое говора д. Уляхино Гусь-Хрустального р-на Владимирской области, описанного И. И. Исаевым:

- (7) «Используя имеющуюся терминологию, можно так определить уляхинскую реликтовую модель предударного вокализма после мягких согласных: для позиции *t'at* — как в донском типе, а для *t'at'* — как в мосальском» [5: 14—15].

Возможны и ещё более сложные случаи, представляющие собой следующий уровень рекурсивной вложенности: в той же деревне Уляхино в речи её старейшего жителя

---

⁵ Напомним, что мы рассматриваем исключительно ситуацию первого предударного слога.

⁶ Точнее, звукотипов [a] и не-[a] либо [и] и не-[и] соответственно, см. [14].

- (8) «отмечен особый тип предударного вокализма, основанный на диссимилятивной (t'at) и ассимилятивно-диссимилятивной (t'at') зависимости гласных: перед твёрдыми согласными как в *донском* типе, между мягкими как в *култуковском*» [5: 15].

Следует при этом учесть, что култуковское яканье само по себе уже является сочетанием мосальского яканья с наличием звукотипа [a] перед ударным [á].

Заметим также, что если рассматривать вокализм первого предударного слога в целом (а не отдельно после твёрдых и после мягких согласных), то практически любая из известных моделей окажется сочетанием как минимум двух других известных моделей: так, современный русский литературный язык сочетает сильное аканье после твёрдых и иканье после мягких.

Из примера (4), а также из рассмотренных в [9] случаев частичного оканья и аканья видно, что «вложение» вокалических моделей друг в друга по принципу рекурсии возможно не только при аканье, но вообще является важным принципом устройства безударного вокализма в русском языке.

Модели вокализма, подобные представленным в примерах (1)—(3), представляющие собой «нулевой»⁷ уровень рекурсивной вложенности, можно называть гомоморфными. Модели вокализма, подобные представленным в примерах (4)—(8), можно называть рекурсивными. Тогда в примерах (4)—(6) мы имеем дело с рекурсивными моделями 1-го уровня, пример (7) представляет рекурсивную модель 2-го уровня, пример (8) описывает рекурсивную модель 3-го уровня.

Важным свойством рекурсии является её потенциальная бесконечность. Возможны ли в русских диалектах рекурсивные модели 4-го и более уровней? Описания подобных моделей нам неизвестны, однако это не должно означать их невозможности в принципе. По понятным причинам чем выше уровень рекурсии, тем труднее обнаружить, выявить такую модель в том или ином говоре. Нельзя исключать, что рано или поздно среди диалектных вокалических систем будут обнаружены и рекурсивные модели более высоких уровней.

Литература

1. *Р. И. Аванесов*. Очерки русской диалектологии. Часть первая. М.: Учпедгиз, 1949.
2. *Т. В. Булыгина, С. А. Крылов*. Модель // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 304—305.
3. *Н. Н. Дурново*. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Ч. I. Южновеликорусское наречие. [М.,] 1918.
4. *З. П. Здобнова*. Особенности предударного вокализма после мягких согласных в русских говорах Башкирии // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М.: Наука, 1987. С. 61—69.

---

⁷ Отметим ещё раз, что этот «нулевой» уровень с большой вероятностью оказывается как минимум первым, если рассматривать вокализм первого предударного слога вообще в целом.

5. *И. И. Исаев*. Развитие вокализма одного владимирского говора во второй половине XX века (на материале говора деревни Уляхино Гусь-Хрустального района Владимирской области). Автореф. дисс... канд. филол. наук. Владимир, 2004.
6. *Л. Л. Касаткин*. Фонетика // Русская диалектология. [3-е изд.] / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Издательский центр «Академия», 2005. С. 22—85.
7. *Р. Ф. Касаткина, Е. В. Щигель*. Ассимилятивно-диссимилятивное аканье // Проблемы фонетики. II. М.: [ИРЯ РАН], 1995. С. 295—309.
8. *С. В. Князев, Е. В. Шаульский*. Генезис диссимилятивного аканья (в связи с проблемой фонологизации фонетических явлений) // Русский язык в научном освещении. 2007, № 1(13). С. 210—224.
9. *С. В. Князев, Е. В. Шаульский*. О сосуществовании оканья и аканья в русском языке и его говорах // Международная научная конференция, посвящённая 70-летию русистики в Армении и 30-летию факультета русской филологии ЕГУ: [Материалы]. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2007. С. 180—183.
10. *Д. М. Савинов*. Развитие предударного вокализма в одном тульском говоре // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 211—215.
11. *Т. Г. Строганова*. Вокализм // Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964. С. 31—68.
12. *Т. Г. Строганова*. Вокализм // Русская диалектология / Под ред. П. С. Кузнецова. М.: Просвещение, 1973. С. 35—77.
13. *Я. Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
14. *Е. В. Шаульский*. Дистрибуция гласных разного подъёма в первом предударном слоге при диссимилятивном яканье // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / Сост. М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 359.
15. *Е. В. Шаульский*. Дифференцирующие признаки моделей аканья в русских диалектах: Дипломная работа. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2008.
16. *M. D. Hauser, N. Chomsky, W. T. Fitch*. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? // Science, 2002. 298. P. 1569—1579.